

БИЛАН ДЗУГАЕВ

СТОН
ЗЕМЛИ

Билан Дзугаев

Стон земли

<https://litres.ru/74645577>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пронзительная книга финалиста международной литературной премии им. Фазиля Искандера, в которой судьбы двух горских семей сплетаются в напряжённую историю вражды, утрат и неизбежного выбора. На фоне драматических исторических событий роман показывает, как боль прошлого передаётся из поколения в поколение и как трудно человеку сохранить честь, любовь и человечность там, где земля помнит слишком многое.

В книгу также вошла серия рассказов, написанных автором в разные годы. Каждый из них — отдельная история о людях и времени, о нравственных испытаниях и тихих, но сильных чувствах, которые живут за внешней суровостью горского уклада. Вместе роман и рассказы создают целостный образ мира, в котором личная драма неотделима от истории народа.

Содержание

РОМАН	4
Часть I	5
Глава 1. Дневник	6
Глава 2. Умар	10
Глава 3 Любовь матери	50
Глава 4 Преступление	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Билан Дзугаев

Стон земли

РОМАН

«Автор пишет так, как было: не нагнетая и не упрощая события. Рассказывает о нашей галгайской жизни реально и честно... просто удивительно, что современник сумел осветить такое далекое прошлое». Исса Кодзоев .

«Впечатляют контуры нового ингушского эпоса в прозе Билана Дзугаева...». Евгений Ермолин, критик. Журнал «Дружба народов», 2015, 2.

*С благодарностью
Мадине Долгиевой и Елене Гилевой-Шадерман*

Часть I

Глава 1. Дневник

07.03.2002

Здравствуй, дневник! Мне тринадцать лет, и я давно уже хотел тебя завести. Зачем? А чтобы, когда стану старше, мог видеть, как я развивался, что думал и делал. Как-то недавно я в одном фильме увидел, что у главного героя есть дневник. Гусиным пером он красивым витиеватым почерком в старой кожаной тетради писал о себе, и мне захотелось так же. Только все никак не мог купить большую 96-страничную тетрадь. Честно говоря, денег не было, а вчера папа дал, вот я и пошел, купил.

Я расскажу про то, как пролетел сегодняшний день. Я и Мовсар (мой двоюродный брат), целый день работали в поле. Поле большое, 100 гектаров, но только слишком уж неровное. Еще бы, оно находится в горах, которые разделяют Чечню и Ингушетию. Сейчас начало марта, и погода очень переменчивая. Мы засеиваем половину поля ячменем, а вторую половину – овсом. Все это для меня в новинку. Видели бы вы меня! Трактор идет впереди, к нему прикреплена сеялка. А на подмостках у сеялки стоим мы с Мовсаром. Наша задача - прочищать каналы, по которым зерно сыплется на землю, проволокой, потому что каналы эти все время забиваются. На самом деле, это очень весело. Мы периодически

ски прыгаем с сеялки, и тут же под ноги летит цепь, тяжеленная, прикрепленная к машине, чтобы заметать зерна, тут главное - во время сориентироваться и подпрыгнуть. Ну, а если опоздал, то под хохот брата она будет тащить тебя по мокрой земле. Ну, очень весело! Грязь из-под колес трактора вылетает со скоростью ветра, и выстреливает нам в лицо. Когда я улыбаюсь, она попадает мне в рот, отчего Мовсар снова валится со смеху, попадает под цепь, и настает моя очередь смеяться.

Бывает и не так смешно, когда ты, стоя прямо на сеялке, проваливаешься сквозь ее подмости, и ноги тащит по грубой земле, и кажется, что они вот-вот сломаются. Но Мовсар успевает докричаться до водителя, и машина останавливается. Пересчитываем: конечности целы! Едем дальше!

Вот так мы развлекаемся. Это классно!

А вечером я обратил внимание на небо. Нет, правда, вы его замечали? Какое оно. Темно-синее такое, с прямой линией облаков у горизонта. Подсвеченное розовым. Мне трудно подобрать слова, но я пообещал себе - буду почаще теперь смотреть на него. Я ведь не замечал, какое оно красивое.

09.03.2002

Сегодня опять были в поле. Стояла солнечная погода, но от земли все равно веяло сыростью. Когда Мовсар, его отец и я приехали рано утром на поле, оказалось, мы забыли еду. Есть было нечего, а на природе как раз желудок работает очень даже активно. Дядя уехал за едой, а мы остались в по-

ле. Небо было синим, солнышко грело, мы сидели под тенью деревьев в лесополосе, которая отделяла нашу землю от чужой. Ждать надо было минимум полтора часа.

Потом просто сидеть наскучило, и мы снова придумали игру. Сначала мы сделали вигвам. Каркасом послужили обычные палки и куски веток, которые валялись по всей полосе. А покрытие сделали из обычных белых мешков, в которых продают муку и сахар, они валялись в багажнике нашей машины. К шалашу мы приделали знамя (палка и привязанный к ней незаменимый, как оказалось, белый мешок – это же знамя?), на котором мы нарисовали угольком поднятый вверх большой палец и написали «Королевство БИМО», по начальным буквам наших имен. Вместо веревок мы использовали куски резины, которые отрывали от старой крыши, найденной неподалеку. Если не все королевство, то уж точно его дворец, был готов. Теперь нужно было найти пропитание для наших подданных. Каждый из нас сделал себе лук, используя все те же куски резины. Стрелами нам послужили заточенные отрезки тонких веток.

Охота началась. Мы вышли в поле, залегли в дымящуюся от солнца борозду, проделанную широким плугом (ну может, не плугом, а конкретно – лемехом, так эта штука, оказывается, называется) трактора К-700, и стали ждать. Через некоторое время появился сокол. Он парил над нами, все снижаясь, и мы выстрелили: сначала я, потом Мовсар. Оба, конечно, промахнулись. Несмотря на это, нас распирали гор-

дость, потому что мы почувствовали себя настоящими первобытными охотниками. «Да, брат - сказал я, - сегодня мы вернемся в племя с пустыми руками, хотя возможно другие охотники принесут добычу». И мы отправились обратно.

Дядя к этому часу уже приехал, он развел костер, и пока «охотники» резали овощи, готовил в котелке некое подобие супа. Наш тракторист сегодня не приехал, и поэтому мы никуда не спешили. Черпая ложками горячее варево в мисках, покусывая душистые лепешки, мы беседовали. Речь зашла о предках. Дядя рассказывал о нашем тейпе, о неприступном селении Цори (построенном «с лисьей хитростью на волчьем хребте»), о войнах за и против имама Шамиля, о наших родовых башнях. Но меня интересовало другое: я хотел спросить дядю о той темной истории, которая приключилась с дедом в молодости, из-за которой мы были связаны кровной враждой с другим тейпом почти полвека. Об этом не принято было распространяться у нас в семье, и оттого мне еще сильнее хотелось узнать, что же тогда произошло. Я спросил дядю, и он, хоть и не сразу, но все-таки рассказал, как было дело.

Когда дедушку депортировали вместе с остальным народом, ему было 14 лет...

Глава 2. Умар

Снежинки, плавно кружась, словно скользя по спирали, ложились на ладонь, но разглядеть их чудное строение не получалось: давая лишь мгновение на то, чтобы ими полюбовались, они превращались в дрожащие капельки. В ладонях Умара собрались крохотные чистые лужицы. Но он все сидел, вытягивая перед собой то одну, то другую руку.

Снегопад начался давно, он предвещал еще больший холод. Вестницы неизбежной зимы – снежинки – были ее первым посланием. И еще снег вызывал в памяти былые нелегкие дни. Для кого-то снег – это символ праздника, ожидание чуда, счастья. А кто-то, увидев его, не знает, доживет ли он до следующей весны, сможет ли прокормить семью, не замерзнут ли домочадцы, не заболеют ли чахоткой – страшной болезнью, которая унесла целые поколения предков-ингушей.

Но все же, Умар любил снег. Несмотря ни на что. Он сидел на небольшом пригорке, подложив под себя полено. Он продрог, но терпеливо переносил погоду; надоело отсиживаться в сырой мрачной пещерке неподалеку, да и если не следить за стадом, всякое может случиться. Он ведь обещал председателю колхоза, что все овцы будут в полном порядке. Вон они, расплзлись белыми пятнами по полю, щиплют пожух-

лую травку, в последний раз, пока земля не спряталась под белым покрывалом.

Стадо у колхоза большое. О таком ингуши сейчас могли только мечтать. Однако о краже овцы – и речи быть не могло. Дело не столько в ответственности, сколько в обещании, которое надо сдерживать, несмотря даже на то, что дома тебя ждут голодные рты. Да и три месяца работы не должны пропасть даром.

Стало еще холодней, Умар закутался в шинель, поднял воротник, поплотнее натянул каракулевую шапку - свою гордость. Ее он выиграл в споре прошлой весной, теперь никакие морозы не страшны! Покрепче сжал в руках посох - верную палку, неизменного приятеля всякого пастуха.

Мысли Умара были далеко. Невидящими глазами Умар вперился в распахнутую перед ним даль, в серое, надвинутое на холмистый горизонт небо, на тяжелые облака, на образы, которые видел он один.

Их сгоняют на площади солдаты, никто не понимает, что происходит. В толпе ходят слухи: "это праздник, субботник, митинг...". Тогда стояла такая же зима, людей собрали спозаранку на маленькой сельской площади перед мечетью. В конце концов, все решили, что сообщат важные сводки с фронта. Возможно даже о победе. Все этого ждали, тем более, солдаты, размещенные у них в селе, вдруг куда-то делись, пару дней назад, и люди подозревали, что это как-то связано с

окончанием войны.

Умар тоже был в плотной, гомонящей толпе, вместе с тетей и младшими братьями. Он злился на солдат, которые вытаскивали их из дому в такую рань, одновременно ему было любопытно, и любопытство перебороло злость.

А дальше, все как во сне: солдаты окружили их с автоматами наперевес, молодой офицер зачитывает какую-то бумагу, Умар не понимает, о чем идет речь, но по волнению людей становится ясно, что что-то не так. И тут он увидел слезы на глазах у тети Марем. В их семье она была более-менее образованной, окончила пару классов в реальном училище во Владикавказе. Еще молодая, но уже поседевшая, она рано лишилась мужа. Муж погиб на фронте, и Марем осталась с малыми детьми.

- Что случилось? Что он говорит? - требовательным тоном старшего ребенка в семье спросил он, четырнадцатилетний. Умар слабо владел русской речью.

- Нас объявили врагами народа, - произнес кто-то в толпе. Смысл этих слов медленно проникал в сознание собравшихся.

- Какого народа? Не может быть! - Умар в недоумении переводил взгляд то на плачущую Марем, то на бледного офицера. Он знал этого офицера. Кажется, его звали Лексей. Он квартировался в доме двоюродного дяди Умара.

Возмущенные люди начали что-то кричать, хотя многие растерянно и удрученно молчали. И тут он услышал звук,

который не перепутает ни с чем, - солдаты передергивали затворы своих винтовок. Все умолкли, безвыходность положения стала очевидной.

Это чувство потом не раз посещало Умара, но тогда это было впервые: он не верил тому, что происходило. Не могло быть так, что еще вчера он как обычно до обеда сидел с друзьями в их классе в медресе, а потом гулял с ними же по окрестностям. И позавчера. И позапозавчера. Так должно было быть и сегодня. И завтра, и каждый день. Как это так получилось, что все стало по другому? Он не мог выразить словами свои мысли, сложившиеся в одну фразу: как?

В этом огромном, надежном, прочном мире, что он жил этого не могло быть. Не могло быть черной среды. Но вот она – есть. Сознание твердит привычную ложь, убеждая нас в надежности мира, но за каждым шагом не земная твердь, а бездонная пустота. И лишь чудо, лишь милость Божья не дает нам провалиться.

Разуму нужна система, и если ее нет, разум придумывает ее. И если что-то выпадает из обычного ряда событий, не всякое сознание в силах принять новое. И если сознание недостаточно гибко, оно разрушается. Они – дети февраля, изменились. Но не старшие. Не Марем. В ее мире не было места черной среде.

Следующие воспоминания Умара уже не были такими четкими. Они обрывочны, хотя и связаны сознанием одной нитью.

Вот он пытается за двадцать минут собрать с Марем кое-какой домашний скарб, дети плачут, солдаты подгоняют их, властно покрикивая.

Затем темнота, и они уже едут в продувном товарном вагоне. Десятки людей на маленькой площади, кто-то стонет, кто-то надсадно кашляет, холод пронизывает до костей.

И яркий свет, когда на редких остановках солдаты открывают вагоны. Маленькие Амедик, Фатя, Русик прижимаются друг к другу, как цыплята, и всею кучкой льнут к Марем, чтобы не замерзнуть. Умар сидит на соломе в стороне, как и полагается взрослому. Марем кашляет, она простудилась.

Потом снова сгущается мгла, и он копает могилу вместе с Марем для Фати. Девочка не выдержала пути. Марем даже не может плакать, нет времени – нужно похоронить ребенка, пока состав не тронулся. У них всего полчаса. Где-то слышались выстрелы: Умар знал, автоматная очередь скосила очередного отчаявшегося. Если кто-то удалялся от состава дальше, чем положено, стреляли без предупреждения, равнодушно, как будто не человек бежит по снежному полю, а мишень в тире. Умар даже не поднял головы на эти выстрелы, привык.

Один сердобольный солдат раздобыл для них лопату. Умар копал, Марем трясущимися руками пыталась выгребать мерзлую землю. Она мешала ему, но сказать ей об этом не хватало сил.

Снова темнота. И конец пути. Северный Казахстан.

Умар на негнущихся ногах выпрыгнул из вагона. Люди, шурясь от белого дня, осторожно покидали обжитое живыми и мертвыми пространство. Перед новой неизвестностью, даже проклятый вагон уже не казался таким уж чужим.

Солдаты и офицеры тоже были тут. Кто-то подал ему на руки Амедика, Умар нашел глазами сухое место, и уложил его там, а вслед за ним и Русика, оба они были в полусонном, полубессознательном состоянии. Затем он осторожно, вместе с парнем из его вагона вытащил тело Марем. У Умара не было сил, но он сам, один оттащил тело тети на местное кладбище, которое оказалось неподалеку. Там, отыскав свободное место, начал копать палкой могилу для тети. Дети остались с тем парнем, его звали Иби, потом его надо будет найти. Остальные люди из вагона ослабли так, что никто не мог помочь ему. Копать предстояло одному. Земля была мерзлой, слабость и мороз сковывали руки, делая пальцы непослушными, но он копал, где-то со злостью, где-то с отчаяньем, иногда – в забытии. Он не мог отступить, он боялся остановиться, и упасть самому в новую могилу. Вдруг рядом кто-то прокашлял. Умар поднял голову, лицо его было красным и вымазанным глиной, он весь вспотел. Перед ним стоял невысокий сухонький старичок азиатской наружности. Раскосые глаза задумчиво взирали на подростка. Старик протянул Умару лопату, а затем стал привычно перебирать правой рукой простенькие из деревянных бусинок четки. Жиденькая седая борода заметно шевелилась - старик шептал

молитвы. Умар, пробормотав слова благодарности, принял лопату и продолжил свое занятие. Наконец, яма была вырыта. Старика рядом не было, он исчез так же незаметно, как и появился.

Яма получилась глубокой. Когда-то Умар по-детски гордился тем, что много раз видел, как роют могилы, и что он иногда помогал в этом деле, ведь его отец был туркхон¹ в их селе и нередко участвовал в подобных мероприятиях, но теперь он приобрел слишком много опыта в этом. Когда тело было засыпано землей, он стал искать, что могло бы сойти за *чурт* - могильную плиту. Неподалеку лежало сухое полутораметровое бревно. Он решил, что сойдет. После он долго еще стоял над могилой Марем, а обернувшись, вновь увидел старика, перебиравшего четки. "Наверное, местный сторож", - подумал Умар.

- Ясин² надо читать, - сказал он по-русски, указывая на могилу, - очень надо, - он забыл, как говорить "пожалуйста".

Старик кивнул.

Станный был старик. Как не от мира сего.

- Мне надо идти, мир вам! - прошептал Умар по-ингушски. Пошатываясь и не оглядываясь, он отправился на поиски своих братьев.

¹ Глава суфийского братства в определенной местности.

² Одна из сур Корана. Ее обычно читают над умирающими для облегчения смертных мук.

Эти воспоминания не оставляли его, мучая разум. Но вечно жить прошлым не получается, и слава Богу. Холодный ветер ударил в спину, шинель уже не грела. Умар встал, отряхнулся. "Да, - подумал он, - таких как я теперь тысячи. Без отцов и матерей, выросшие в чужих краях. Мы слегка одичали и многое утратили из того, что было у наших предков, но ничего не поделаешь. Главное сохранить то, что осталось". Он потянулся, предстояло еще погнать стадо к месту назначения и передать хозяину. Свистнул, подзывая верных овчарок. Огромные бестии тут же рванулись к нему, Умар снова отдал команду, и умные животные ринулись выполнять приказ, сбивая отару в кучу. Дальше просто ждать, собакам не требовалась помощь в их деле. Месяцы, проведенные в горах, в одиночестве, когда вокруг никого кроме овец и собак, научили его терпению. Наконец, вся огромная отара собралась. Теперь нужно было гнать стадо, времени было мало.

Дверь распахнулась и навстречу выбежала, собирая жесткие пряди волос в косынку, худощавая молодая женщина, глаза ее сияли. Она кинулась к Умару, но, не добегая самую малость, остановилась, точно ударилась об стену. Умар усмехнулся. Затем молча показал за спину, женщина тут же выскочила за деревянные ворота. Через мгновение Умар услышал радостный возглас. Увидев приведенных мужем ба-

ранов, Тамари чуть не лишилась чувств. Да это целое богатство! Тут же она открыла створку ворот и стала их загонять, покрикивая на животных чуть ли не с нежностью. Когда бараны оказались в маленьком загоне, Тамари захотелось выбежать на улицу, чтобы посмотреть, нет ли соседок поблизости: надо рассказать им, что ее муж не зря пропадал целых три месяца! Но нужно было спешить в их маленькую времянку, накрыть небогатый стол. Умар не любил ждать в таких случаях.

Как только она открыла дверь в дом, слышался голос Умара:

"Сейчас Туган должен подъехать, скажешь мне, когда он будет". Тамари вздохнула: такой близкий и родной голос. Умар уже скинул шинель, снял шапку. Тамари набрала в кувшин теплой воды и стала поливать мужу на шею и на руки. Затем подала ему полотенце. Все это время он молчал. Затем степенно проведя руками по черной с рыжиной бороде, кивнул, и пошел к столу. В свои двадцать с небольшим лет, он был очень неразговорчивым.

Тамари побаивалась супруга, потому зачастую молчала с ним заодно. А еще, не приведи Бог, если в доме будет беспорядок!

В дверь постучали.

- Иди, это Туган, - распорядился он.

Туган был лучшим другом Умара. Бесшабашным и бесстрашным товарищем. Тамари не любила его, так как боя-

лась, что он чего доброго уговорит Умара стать «пособником в недобром деле», как любила говаривать ее мать Маликат. Да и глаза у него странные. Верившая во все приметы ее мать сказала бы, что у Тугана в предках были коты, и может сам он оборачивается в это животное, но Тамари подобные вещи уже не принимала всерьез, хотя было что-то кошачье зелено-карих глазах Тугана.

Темнело. Она вышла во двор, и увидела задорно улыбающегося Тугана.

- Мать! - крикнул он радостно, после того, как поздоровался, - там твой муженек мне на тачанку каких-то мешков накидал, пойдем, полюбуемся.

Серьезно и с достоинством Тамари вышла за ворота. Оглянулась по сторонам: на улице опять как назло ни души. И тут ее взгляд остановился сначала на запряженной лошади, а потом - на мешках в тачанке. Это была мука. Три мешка муки! Тамари не верила своим глазам. Да они богачи! Больше не придется думать о том, как раздобыть еду. Голод, который не покидал их с первых дней депортации, отступит надолго!

Туган, наблюдавший за ее реакцией, незаметно улыбался уголками глаз. Он был младше Умара на год, и не женат, но ему нравилось наблюдать семейное счастье, пусть и эпизодическое. Все равно, редкое в те дни.

Дав ей насмотреться вдоволь, Туган взвалил мешок себе на плечи и понес его в дом. Его не беспокоило то, что он весь

перепачкается. Радость Тамари передалась и ему. А Тамари в этот миг забыла всю свою неприязнь, она крутилась вокруг Тугана, охая и ахая, сожалея вслух о том, что он весь в муке. И так, пока он не занес все мешки. Сделав дело, Туган увидел, что ее уже нет. Тамари побежала домой накрывать на стол.

Вечер удался на славу. Умар и Туган весело смеялись, вспоминая разные истории. Тамари стояла в углу, зажав концом платка улыбающийся рот, частенько ей приходилось забегать в соседнюю комнату, где спал Мухаджир - их маленький сын. К вечеру Умар, против обычного, потеплел к ней. Она знала, что он ее не любит. Знала, что он женился на ней, поддавшись уговорам родственников. Она замечала, как часто Умар посматривает на девушек их села, как шутит с ними, смеется, то есть делает то, чего не позволяет себе с нею, его законной женой. Из-за этого ночами она часто плакала. Из-за этого сердце ее становилось понемногу жестче, черствее. Но она была еще молода, надеялась на лучшее, старость казалась ей чем-то далеким, поэтому нрав ее еще не успел испортиться, точно так же, облик ее не утратил полностью той миловидности, что свойственна девушкам в определенном возрасте, красивы они или нет.

Сегодня Умар был необычно добр к ней. Может, все изменится?

В соседней комнате заплакал ребенок. Тамари пошла его успокаивать и услышала вслед от Тугана:

- Может принесешь мальчика сюда.

Малыш лежал в импровизированной люльке, и жалобно плакал.

- Маленький, - прошептала Тамари, вытащила малыша из люльки и дала ему грудь. Тот жадно и суетливо, как маленький крот, не открывая глаз, тыкался ртом в мягкое тело матери.

Покормив, она немного покачала его на коленях, припевая:

- Где тури-таники, где таники-таники?

Тамари не очень хотелось выносить мальчика к гостю: боялась сглаза, тем более они мальчишки уж очень слабенькие бывают.

- Ну где ты там? – услышала она голос мужа.

- Не дают тебе поспать, мой мальчик, - сказала она, поглаживая голову ребенка, потом расцеловав его в обе щеки, вынесла сына на кухню.

- А! Вот он наш богатырь! Наш *къонах*! – Туган протянул к малышу руки. Тамари поморщилась от громкости его возгласа. Малыш лениво приоткрыл темно-карие глаза.

- Ты посмотри на него! – Туган поднял мальчика на вытянутых руках и повернул лицом к Умару, - мужчина растет!

Умар, скептически пожал плечами, мол, посмотрим, что там из него вырастет. Сам он ужасно соскучился по сыну, и больше всего на свете хотел понянчиться с ним после долгой разлуки, но при друге, пусть даже лучшем, являть свои чув-

ства к ребенку не пристало.

Туган прижал Мухажжира к себе, и стал легонько показывать его, рассматривая лицо младенца.

- Удивительно, - сказал он, - преудивительно, Бог внушил родителям любовь, думаешь для чего?

- Не знаю, - ответил Умар, помешивая очередной стакан чая.

- Что б ребенок мог выжить. Он же беспомощный совсем, когда мал. Ничего не может, особенно в первые месяцы, в первый год. Если бы родители не любили его, просто так, ни за что, погиб бы он. Совсем погиб. Любовь – его оружие. Ага. Его спасение.

- Я слышал, что есть дети, которые выросли со зверьми в лесу, без всяких родителей, - сказал Умар, больше из чувства противоречия, - человек ко всему может приспособиться.

- Да? Что и такое бывает? – произнес Туган, передавая малыша матери, и вслед – маленький пряник, неожиданно вынутый из кармана. Тамари с благодарностью приняла подарок.

- Хм, - продолжил Туган, - приспособляется, говоришь. Тогда любовь знаешь для чего нужна? Что б люди людьми вырастали, не зверенышами. Человека человеком любовь отца да матери делает.

Тамари снова ушла возиться с Мухаджиром. Они молчали некоторое время, попивая чай.

- Слишком ты умный, - насмешливо выдал Умар, - муллой

тебе надо было стать.

- А я и сейчас могу! Хороший из меня будет мулла!

- Конечно! Отличный! Только вот всем местным казахам от такого муллы надо свое добро беречь.

Они посмеялись.

- А помнишь, как мы засаду сделали на кладбище, поджидая Ибрахим-муллу? - спросил Туган, сверкая глазами.

- А как же! - засмеялся Умар, - это твоя задумка была.

- Мы спрятались за могильным плитами с ребятами, - Туган повернулся к Тамари, - хотели напугать нашего муллу, он домой обычно кладбищем ходил. Я, Умар, муталимы³ постарше завернулись в белые ткани и ждем. Холодно ж, а мы все сидим.

- Да я помню, как ты дрожал, от страха скорее всего, - сказал Умар.

- Это кто? Это я дрожал? - воскликнул Туган, - ну дрожал, было. - тут же согласился он, добавив - От холода!

- Ну, так вот. Спрятались мы, значит, и ждем. И тут слышим, идет мулла. Идет и во все горло поет назмы⁴. Видно сам побаивался и подбадривал себя.

- А голос у него был не слабый, как из бочки - вставил Умар.

Смеркалось. Тамари зажгла керосиновую лампу.

- Да, я аж забоялся, что он всех покойников перебудит.

³ ученики религиозной школы (медресе)

⁴ Религиозные песнопения

И вот, когда он поравнялся с нами, мы тут как выбежим с криками, и на него, - кричим "У!". Ну думаю, сейчас даст стрекача наш прославленный мулла. Куда там! У него в руках посох был, так он как замахнется, да как заорет: "Ах вы, черти! Не ложится вам в могилах!" – спародировал Туган бас Ибрахим-муллы .- и давай бежать на нас!

- Мы сначала оторопели, но тут поняли, что дело нешуточное, и - врассыпную. Так бегал за нами еще битый час, махая своей палкой! Еле отбились, - Тамари, слушая, улыбалась. Она знала эту историю.

- Хорошее время было, - добавил Умар, - а мулла потом, на уроках в медресе, очень внимательно к нам приглядывался.

- Ага! Умару-то что, сделает деревянное лицо и хмуро так смотрит на муллу, попробуй заподозрить, что он на шутки горазд. А вот на меня мулла аж до самой высылки своей задумчиво так всегда глядел.

Они помолчали, вспоминая Ибрахима-муллу, которого за религиозную деятельность отправили в лагеря еще в сороковом.

- Сейчас, вспоминая, мне стыдно становиться, - серьезно сказал Умар, - хорошо отлупить нас надо было тогда.

- Да ну, мы ж дети были. Да и сам мулла был молодой, ему ж лет 25 было тогда, не больше, - не согласился Туган.

- Ладно, пойдем, прогуляемся, - Туган вытер руки полотенцем и встал из-за стола, пропуская мимо ушей традиционные уговоры Умара посидеть еще. У двери Тамари подала ему его пальто и шапку. Туган поблагодарил Тамари за угощение: "Спасибо вам, да благословит вас Бог". "И тебя, - отвечала хозяйка, как принято, - заходи к нам еще".

Умар последовал за ним. Надев шинель, он бросил жене: «Присматривай за домом», и вышел за дверь.

На улице было свежо. Луна показалась из-за туч, заливая серебром окрестности. Снег засверкал. Друзья вдыхали ночной воздух полной грудью. Было тихо и свежо. Тишину иногда нарушали местные псы, наполняя округу отчаянным лаем.

- Хорошая у тебя хозяйка, - сказал Туган, подбирая с земли горсть снега, - такую сложно сегодня найти.

- Возможно.

- Пойдем на старое место, - сказал Туган, - там сегодня все ребята соберутся.

Под "Старым местом" он имел ввиду большой амбар в ближайшем колхозе. Колхоз назывался "Заря", и сторожем там работал их общий друг Махмуд. По вечерам они часто собирались там, вся молодежь их села. Точнее, вся спецпереселенческая молодежь.

Идти было недалеко. Туган что-то рассказывал, но Умар не слушал. Он думал о своем. Заметив его настроение, друг замолчал. По ночным улицам они быстро добрались до кол-

хоза. Вход в сторожку был распахнут, Махмуд специально не запер его, он и остальные уже собрались в амбаре. Махмуд не боялся воров, сам он напоминал разбойника в свои двадцать пять, и не всякий осмелился бы забраться в место, которое охранял такой сторож. В прошлом году двое отчаянных ингушей попытались пробраться в колхоз, не зная, что его охраняет их соотечественник. Последним, что они увидели перед тем, как потерять сознание, была здоровенная фигура Махмуда, стремительно надвигающаяся на них. Он не стал их калечить, просто отправил в нокаут и положил за воротами, чтобы сами ушли, когда очнутся. Махмуд понимал, что только крайняя нужда заставила их пойти на воровство. Потом он оправдывался, что избил несостоявшихся воров не потому, что они хотели украсть, а потому, что - без его ведома, «сказали бы мне, я бы им сам вынес», - добавлял он. И друзья знали, что Махмуд в самом деле бы вынес.

Приятели не успели дойти до амбара, как услышали оттуда громкий смех. Туган подмигнул Умару.

Они вошли. Половину амбара занимали соломенные пачки, а остальную половину ребята с села. Конечно, здесь были только парни, девушек в такое время никто не выпускал на улицу. Парни сидели кто на скамейках, кто на стульях, на корточках, на тех же пачках, даже просто на земле. Все слушали, какую-то историю, которую травил Мусса - шутник, известный всей округе. В амбаре было полутемно, слабый свет давали только пара керосиновых ламп, которые держать

здесь было строго запрещено.

Сначала их не заметили, но один из парней оглянулся. Он тут же встал: "О, какие люди!". Мусса замолчал.

- Мир вам! - поприветствовал их Умар.

- И вам! - тут же ответил хор голосов. Умара многие знали, он был не последним человеком среди них. Друзья стали здороваться со всеми. После обычных положенных в таком случае расспросов, они все снова уселись в круг, и очередной рассказчик начал новую байку.

Так они просидели пару часов. Время исчезло для них. Умару было радостно смотреть на эти живые, улыбающиеся лица. Вдыхать воздух, пропитанный соломенным духом. Удивительно, думал он, рассматривая смеющиеся, улыбающиеся лица товарищей: как живуч человек. Как он все превозмогает. У большинства этих парней отцы и матери не пережили последних лет. Они похоронили сестер и братьев. Жен. Детей. А все равно, живут, дышат, стремятся к чему-то. Разве это не странно?

Вон Арсамак сидит, сын Алхаста, тоже смеется общим шуткам. А всего пару лет назад трех малолетних сыновей похоронил. Умар думал, что Арсамак не оправится, но нет, живет, работает, еще двое детей народились к тому же.

Наконец, он стал прислушиваться к тому, что говорят.

Как и в любой мужской компании, здесь не обходилось без взаимных подколов и поддевок.

- А знаете что? - воскликнул Алмаст.

- Что? - обратились к нему лица.

- У меня такое предложение. Все мы знаем, что Мамету надо жениться, так?

- Так, так - раздались голоса, многие уже тихо посмеивались, поняв задумку Алмаста - большого выдумщика на разные шутки. Мамет был тихим, застенчивым парнем. Ему было уже двадцать шесть лет, а он до сих пор не женился, потому что был очень беден, даже по меркам переселенцев, лишившихся всякого имущества, и нерешителен. Он был слишком робок для парня из их среды. Выглядел Мамет непредставительно: всегда заношенные вещи, нещадно поеденная молю шапка, дырявые калоши, одним словом - сущий бедолага. Вот и сейчас, он сидел на корточках, позади круга, чтоб никому не мешать, хотя парни помладше его занимали более почетные места.

Умар с досадой взглянул на Алмаста, здорового, сытого парня из обеспеченной, по теперешним меркам, семьи. Отец Алмаста имел экономическое образование, их семья была из Буру - Владикавказа. Однако образование не спасло его от депортации вместе со всеми. В Казахстане же отец не растерялся, устроился бухгалтером в какую-то контору. Как ему это удалось, никто не знал, учитывая, особенно на первых порах, недоверие местного населения к ингушам. Но пару месяцев назад отец умер от туберкулеза и Алмаст стал старшим в роду.

Умару не нравились шутки над слабыми.

- Ну, так вот, я торжественно заявляю, - продолжал Алмаст, встав в середину круга для пущего эффекта, - что если Мамет сегодня занесет моей тетке Фаридат двухгодовалого барана и мешок муки, то я отдам за него свою двоюродную сестру - Хани, дочь Фаридат.

В толпе присвистнули, Хани была завидной невестой. Потом раздался оглушительный хохот. Все понимали, что Мамету никогда в жизни не удастся достать целого барана, да еще мешок муки в придачу. Это явно был не уровень Мамета.

- *Аиша!* Услышала бы Хани как этот павлин тут распинается, - прошептал Умару на ухо Туган, - прибила бы его.

Мамет сидел с понурым видом, ему было нечего сказать, он знал, что ему не раздобыть такого калыма.

- Вот сволочь, Алмаст, - выразил Махмуд их общее с Умаром и Туганом мнение. Добрый и наивный Мамет всем им нравился.

В общем гуле, Туган стоял задумавшись, сощутив свои кошачьи глаза. Мысли были разные: от засады на Алмаста, до...

- Что? - переспросил Туган.

Умар что-то повторил, приложив руку ко рту. На лице Тугана мгновенно блеснула хитрая улыбка.

- Эй, Алмаст, - сказал он с места, сооротив серьезное лицо, все притихли, - ты что-то говорил насчет своей сестры?

- Ты не заболел? - несмотря на шуточный тон, Алмасту не

понравилось выражение лица Тугана, - я сказал, что отдам Мамету Хани, если он даст запрошенный мной калым, не думая, что это будет слишком сложно для такого джигита, - добавил он, ухмыляясь и, глядя по сторонам, ища поддержки - все опять засмеялись. Джигит еще больше сторбился, пытаясь окончательно слиться со стенами амбара.

Все понимали, что «отдать» девушку за Мамета у Алмаста не было никаких полномочий, но они также знали, что даже подобное шуточное сватовство посчитали бы серьезной «заявкой» со стороны сватающегося. Тем более, если этот сватающийся уже замечен в симпатиях к этой девушке. От того, шутка Алмаста казалась многим еще более подлой.

- А ты отвечаешь за слова? - как бы, между прочим, поинтересовался Туган, разглядывая ногти на руке.

- Что за вопрос! Конечно, отвечаю. Все слышали же, только калым должен быть у нас сегодня же, - Алмаст нахмурился, ему был подозрителен невинный вид Тугана, известного своего выходками, но слова сказаны, обратно не возьмешь. С другой стороны, чего ему опасаться? Ведь для Мамета поставленное условие было и правда невыполнимым.

- Хорошо! - сказал Туган, казалось, ответы Алмаста его вполне удовлетворили.

Через пару минут все уже забыли о словах Алмаста. Ахмад, приятель Алмаста, начал рассказывать, как он с друзьями убегал от коменданта, причем каждый раз, когда парень копировал возгласы коменданта, коверкая костромское про-

изношение советского работника, все падали от смеха, держась за животы. Один Умар спокойно наблюдал общее веселье, он думал о чем-то своем. На лице Умара застыло невозмутимое выражение.

Тугана рядом не было. Никто не заметил, как он чуть ранее тихо выбрался из амбара. Через некоторое время, весело подмигнув Умару, друг вернулся.

- Кхм, кхм, - когда очередной рассказчик закончил говорить, Туган прочистил горло, - так, что там насчет твой сестры?

- Я что-то не понял, я тебе, что ли, ее обещал? - отозвался Алмаст, раздраженно морща лицо.

- А причем тут я? - Туган простодушно глядел на Алмаста, - мы ж о Мамете говорим, сегодня же он женится на твоей сестре, если ты держишь слово, конечно.

- Что! Сколько раз повторять, я слово держу, пусть достанет калым, и сегодня же пойдем ее сватать!

- Ну положим, сватать – это громко сказано, - вмешался Арсамак, тоже дальний родственник Хани.

Умар посмотрел на него и покачал головой: «не порть нам шутку».

- А чего там доставать-то, - продолжал Туган, пожимая плечами, смотря, как-то сквозь Алмаста, как будто его собеседник был прозрачным, - все уже есть.

- Мамет, заноси калым, - подал голос Умар.

- Что? – растерялся Мамет. Туган показал ему глазами на

выход.

- Давай, давай, - произнес Умар, похлопывая парня по плечу, - ну же, заноси «калым».

Мамет на негнущихся ногах вышел из амбара, через мгновение он вернулся таща одной рукой за рог барана, а другой – мешок муки. Мамет улыбался, он хотел что-то сказать, но, увидев лица приятелей, запнулся. Все молча смотрели на Мамета, кто-то с удивлением, а кто-то даже с восхищением. Алмаст стоял с открытым ртом, на том самом месте, где не более пяти минут назад распинался о своем обещании. Зрелище пораженного Алмаста вызывало у Умара особенное удовлетворение, впрочем, тщательно скрываемое за серьезной миной. А вот Туган не мог удержаться от смеха, когда произносил:

- Ну, вот и калым!

- Не может быть! Это нечестно! Это вы ему помогли! - Алмаст в гневе посмотрел на Тугана. Грудь его вздымалась, он понял, что его провели.

- Мы, не мы, разницы нет, - тихо произнес Умар, - ты обещал сестру за калым? Обещал. Вот калым, а как он и откуда - не твое дело. Правильно я говорю? - обратился он к остальным.

- Правильно! - раздались голоса.

- Верно Умар говорит, - прогудел Махмуд, - а ты, ежели не хозяин своим словам, помалкивай, - грозно посмотрел он на Алмаста.

- А как же он может так сестру отдать? – зашептал на ухо Тугану Иса – его сосед.

- Да никак, ясное дело, но раз уж сказал, что может, пусть теперь думает.

- Н-но, это же не честно, мы так не договаривались, - побледневший Алмаст растерянно посмотрел по сторонам, ища поддержки, которую, конечно, не встретил. Всем было интересно, как Алмаст, любивший немного преувеличивать, как вежливо отозвался о нем когда-то Умар, будет выкручиваться из создавшегося положения.

- Все! Пошли свататься! - воскликнул Туган, вскочив с места.

- Что, сейчас? Уже поздно! - Алмаст все пытался оттянуть неприятное для него дело. Кто бы мог подумать, - пришло ему в голову, - что его безобидная шутка обернется против него.

- Сейчас, сейчас - Туган ласково похлопал его по плечу. Все парни вскочили со своих мест, многие радостно переглядывались: ожидалась хорошенькая потеха. Шуточное сватовство, - давно они такого не видели! Алмасту ничего не оставалось, как поддаться настроениям толпы.

Они все вместе двинулись к дому тетки Алмаста, что жила через пару улиц. Умар, Туган и Мамет шли впереди веселой процессии.

- Спасибо вам, - Мамет энергично пожал руку Тугану.

- Ему спасибо, - Туган кивнул в сторону Умара, - его придумка.

- Только не улыбайся так широко, - сухо заметил Умар, - а то подумают, что это мы серьезно свататься пришли.

- И жаль, что нет, - хотел ответить Мамет, но лишь промолчав, попытавшись стереть улыбку с лица.

- А это прилично? - Мамет с беспокойством посмотрел на друзей, в это время они и толпа за ними уже приближались к дому Хани.

- Немного веселья никому не помешает, - с достоинством произнес Умар. «Хотел бы я быть всегда таким же уверенным в себе», - подумал Мамет, озирая фигуру друга. Туган похлопал Мамета по плечу, мол, не бойся.

Они остановились перед небольшими деревянными воротами, за которыми ютилась маленькая времянка, подобная той, в которой жил Умар.

Алмаст открыл им калитку, и они вчетвером вошли. Остальные предпочли остаться на улице, негоже было такой толпой заваливаться в чужой двор. Впрочем, ограда не защищала слух друзей от издевательских и подбадривающих возгласов, обращенных в сторону Мамеда, оставшегося снаружи вместе с калымом.

Алмаст постучал в окно. Никто не отозвался.

- Может, пойдем? - с надеждой спросил он, поглядывая

на Умара.

- Стучи, стучи, - невозмутимо произнес Умар.

Злобно сверкнув глазами, Алмаст постучал сильнее.

- Кто там? - слышали они голос тети Фаридат. В окне появился огонек керосиновой лампы. Умар знал Фаридат. Это была худая, пятидесятилетняя женщина. Муж ее, как и многие другие, умер сразу после депортации, ему тогда было уже больше шестидесяти. Умар никогда не видел, чтобы она чему-то радовалась с тех пор. Женщина всегда выглядела усталой и печальной, что в общем-то не пристало ингушке. В этом плане Арсамак был для Умара даже образцом. Уже позже, анализируя свои поступки, Умар вдруг осознал, что одной из причин, побудивших его поступить так тогда с Алмастом, было не только желание наказать того за чрезмерную самоуверенность, но так же желание развеселить всех этих людей, и даже Фаридат, которую он знал.

- Это я, Алмаст, - крикнул парень, - тут люди пришли, свататься к Хани.

- Что? - слышали они из окна, - Как это свататься? В такое время суток?

- Ну, - смущенно ответил Алмаст, - сама посмотри.

Фаридат вышла во двор, и тут увидела странную компанию. Вместо привычных старцев, ну или хотя бы зрелых мужчин, перед ее порогом стояли лишь несколько молодых парней. Все они, кроме племянника ее мужа, весело улыбались. Женщина тут же поняла, в чем дело.

- Ну ладно, - произнесла она серьезно после обязательных взаимных приветствий, укутавшись в теплый платок, - а кто жених-то?

- Жених хорош, - тут же взял слово Туган, - отличный парень, золотые руки, с таким Хани никогда не пропадет! Парень, что надо, я вам говорю, дяди⁵.

- Да прям уж, - сказала она подбоченясь, -ну давайте, проходите в дом, негоже тут стоять на пороге, там и расскажите, что да как.

- Нет, спасибо, - покачал головой Умар, - нас еще ребята ждут, да и вопрос наш не такой уж глубокий, чтобы его долго решать.

- Да конечно не глубокий, - ответила Фаридат, - вам-то все легко, а мне дочь отдавать!

И улыбнулась. Алмаст вздохнул с облегчением. Кажется жена дяди прониклась настроением его приятелей. Он очень боялся, что их не правильно поймут.

- Так кто жених-то? - повторила она свой вопрос, - а ну покажите-приведите его сюда, посмотрю я на этого смельчака!

- Ай, нет, тетя, как же мы приведем будущего зятя, - ему же не положено с вами видаться, но поверьте, плохого человека мы бы вам не посоветовали, - проникновенно заговорил Туган.

- Жених хорош, мы отвечаем - добавил Умар, - соглашайтесь!

Фаридат в наигранном изумлении посмотрела на него:

- Как же я соглашусь, если не знаю, кто жених? Как можно продать товар, не зная сколько тебе предлагают? - она посмотрела на Алмаста, который серьезно кивал ее словам, а потом спохватившись, сплюнул на земле, впрочем, тихо.

- Разумный вопрос, - хмыкнул Умар, - ну, скажи ей.

- Я скажу так, - начал Туган, - если бы он родился в Кабарде, то был бы там кабардинским князем, если бы он родился в Осетии, то был бы там осетинским князем, а если родился в Грузии, то был бы грузинским князем.

- Но мы ингуши, - ввернулся Фаридат, - и у нас нет князей!

- Именно, *воклянцур!* – поднял палец Туган, - и только поэтому он не князь! А в остальном, ну настоящий эздиб⁶!

Алмаст скривился.

- Да кто же этот ингушский *аьл?* – воскликнула Фаридат.

- Это Малгий Мамет, - произнес Умар.

- Иппали⁷! – искренне удивилась Фаридат- этого еще только не хватало! Вы что с ума сошли? – тут она взяла себя в руки, все-таки выдающаяся нищета жениха, видевшаяся ей через призму разговоров племянника мужа, упоминавшего о парне не раз, была болезненным ударом по самолюбию женщины.

Умар недовольно посмотрел на нее, еще чуть-чуть, и шутка будет испорчена. Мамет, который все слышал за оградой,

⁶ благородный человек

⁷ Сильное восклицание

совсем стушевался, ему хотелось тихо исчезнуть из их двора, он уже пожалел, что оказался здесь.

- Нет, вы только посмотрите на них! – засмеялась Фарида-
т, пересилив себя, - какого жениха нашли!

- Какого? – осведомился Туган.

- Очень...очень достойного.

- Туган, заведи барана, - сказал Умар, затягивать забаву
не было смысла.

Туган выскочил за ворота, и не успела Фарида-
т моргнуть, как он стоял перед ней, держа за рога жирного барана.

- Ой, - только и произнесла Фарида-
т. Туган усмехнулся.

- Парень хороший, хоть и не очень богатый, - тем време-
нем держал речь Умар, - но это же ерунда, только глупые лю-
ди ищут богатое место. Главное, что б человек был хороший,
- вежливо говорил он.

Фарида-
т молчала, собираясь с мыслями. В их бедные вре-
мена, когда люди месяцами не видели мяса, такое богатство
было очень трудно достать. И она никак не могла понять, от-
куда его взял Мамет, нищий сын нищих родителей.

- Вот именно! – наконец, вымолвила она, - что нам ка-
кой-то баран, нам лишь бы человек хороший был. Нас богат-
ствами не купишь. – сказав это, Фарида-
т незаметно вздох-
нула.

Хани была старшей дочерью Фарида-
т, кроме нее у жен-
щины росли еще четверо дочурок. Хани давно было пора за-
муж, но жених все не появлялся. И это несмотря на то, что

Хани была очень миловидной девушкой.

- В общем, нет, хотя спасибо за такое лестное предложение.

- Хорошо. Туган, занеси, - Умар снова кивнул в сторону ворот.

Туган снова выскочил и через секунду вернулся с мешком в руках.

- Что это? - подозрительно спросила Фаридат.

- Мука, - ответил Умар, невозмутимо разглядывая что-то на рукаве своей шинели.

- Уж не ограбили ли вы кого-то? - строго посмотрела на них Фаридат, пытаясь скрыть свое волнение.

- Нет, что вы тетя, я ж говорю, жених наш без пяти минут князь, что ему какие-то бараны да мешки, - важно ответил Туган.

- Да уж, - ухмыльнулся Алмаст.

- Ну что ж, хорошо, мы подумаем, - ответила женщина, улыбаясь, - подумаем, хотя скорее всего наш ответ будет «нет».

- Ну вы не торопитесь, взвесьте все.

Ребята развернулись и двинулись к выходу со двора.

- Стойте! – уже серьезно воскликнула Фаридат, - а это все? Заберите!

- А это вам, - махнул рукой Умар и они покинули двор.

Как-то так потом все сложилось, что через год Хани вы-

шла замуж именно за Мамета, но Умар узнал об этом только через много лет.

- Отлично, *садысар*, преотлично! - Туган довольный шагнул рядом с Умаром. Они шли домой. Все с восхищением поглядывали на друзей. Это ж надо так обставить Алмаста. Махмуд одобрительно похлопал их по плечам, прежде чем расстаться. Алмаст же вяло попрощался с ними и отправился к себе.

- Неплохо позабавились, - сказал он напоследок, все еще пытаясь сохранить лицо.

- Теперь-то этот щеголь точно будет следить за языком, - произнес Туган чуть погодя, он радостно потирал ладони, - нет, ну как мы его!

- Да, да, - устало отвечал Умар.

- Ну ты даешь! Не пожалел целого барана!

- Пусть будет саг18⁸.

- Да ты, я вижу, утомился. Ладно, ступай домой, - они пожали друг другу руки, и Туган, насвистывая, отправился в свою сторону.

Дома Умара ждал горячий ужин. Тамари не считала себя такой уж хорошей поварихой, но сегодня она постаралась.

⁸ милостыня, однако без всякого уничижительно оттенка. любой добрый поступок – это милостыня

Как только муж зашел домой, она подхватила его одежду, повесила на вешалку, при этом, успевая что-то рассказывать Умару. Тот не слушал.

Помыв руки, Умар сел за стол. Перед ним, в пиале дымился *бирх* - густая смесь, которая обычно состоит из бульона, картошки, петрушки, моркови и других приправ и овощей. Но в здесь, в Казахстане, женщины делали бирх из чего придется. Впрочем, получалось неплохо. *Бирх*, по меткому выражению одного казаха, - это двигатель ингушей. На тарелке также лежали большие, как и положено, куски мяса. Умар, произнес короткую молитву, опустил кончик мизинца в соль, потом лизнул его. Все, трапезу можно было начинать. Взяв в руки лепешку, он разорвал ее на три части. Лепешка была горячая, ничто в мире не пахнет так прекрасно, как свежее выпеченный хлеб, - подумал он. Душистый аромат лепешки забивал ноздри. Он обмакнул ее в *бирх* и стал не спеша есть.

Тамари все не умолкала, рассказывая о соседях, и о том, что происходило в селе в последнее время. Не мало времени она уделила и мальчику, рассказывая Умару, как многому малыш научился, пока папа отсутствовал.

- Принеси мне его, - сказал Умар, - Тамари опрометью кинулась за ребенком, ей давно хотелось, чтобы отец познакомился с мальчиком.

Следующие две недели были вполне безоблачными для

Умара. Он проводил время с сыном, ходил в гости к родственникам и друзьям. А в один из погожих зимних дней он даже получил вести от младших братьев, проживавших в соседней области у дальних родственников. Они передавали, что у них все хорошо. Ахмед и Руслан и раньше сообщали ему о себе, но довольно редко, поэтому любая весть от них была для Умара особенно ценной.

- Они сами тебе это сказали? – спросил Умар у чеченца, который и передал ему эти новости.

- Да, конечно, - ответил на чеченском высокий голубоглазый блондин, помешивая ложкой чай на кухне у Умара. Они сидели уже давно, но Умар расспрашивал во всех подробностях, он очень скучал по братьям, - славные ребята, - добавил чеченец, - Учатся в нашей школе. Хотя...недавно их оттуда чуть не исключили..., - усмехнулся он.

- Это почему? плохо учатся? – нахмурил брови Умар.

- Нет, имам Шамиль виноват, - проговорил гость со смешком.

Увидев удивление в глазах собеседника, Висха, продолжил.

- Боюсь все перевернуть, но вроде было так. Мне рассказала соседка, она работает библиотекарем в этой школе. Там у них есть одна бунтовщица, Фасиман зовут.

- Ингушское имя, - вставил Умар.

- Так вот, когда пришло распоряжение вырвать из учебника истории имама Шамиля, она отказалась. А потом ее под-

держали твои братья.

Умар спокойно кивнул, стараясь не выдать гордости, что его охватила за ребят.

- А за братьями весь класс, представляешь. И началось все с одной девочки.

- Не знаешь ее фамилии? – спросил Умар.

- Знаю, - сказал Висха, - Гагиева. Я специально поинтересовался.

- Молодец девочка. Мой отец как-то сказал, что в смутные времена у женщин нередко смелости бывает больше, чем у иного мужчины. Хорошо хоть эти лентяи смогли заступиться. Так их не выгнали?

- Нет, девочку месяц не допускали до занятий, а потом разрешили. Остальных же просто отругали.

- Ты как вернешься, скажи им, что будут плохо себя вести, приеду и разберусь.

- Скажу, скажу, - засмеялся Висха, - хотя вряд ли они поверят, ведь что б приехать, надо целое богатство отдать этим надсмотрщикам, - последнее слово он произнес, презрительно скривив губы.

- Так вот как ты выбил у комендатуры разрешение покинуть район.

- Деньги, - пожал плечами молодой чеченец, - как всегда.

- Прости меня, Висха, я все о своих спрашиваю, рассказывай теперь, какими судьбами ты в нашем селе?

- Догадаться не сложно, ищу родственников.

- А кого конкретно? Может я знаю. Здесь живут чеченцы. А если я не знаю, скоро мой друг подойдет, Туган, он точно всех знает.

- Свою мать я ищу. Долго искал. И вот узнал, что она здесь живет. Мартагаз ее зовут. Мартагаз дочь Оси.

- Нет, не знаю такую.

- Ничего, я точно знаю, что она здесь, я найду ее.

Умар помолчал, хоть он очень хотел узнать историю Висхи, но все же, не стал спрашивать из вежливости.

- Ладно, мне надо идти, пусть Бог будет доволен твоим домом, - Висха встал.

- Куда ты пойдешь сейчас? – отозвался Умар, - оставайся у меня, я у тебя в долгу.

- Да, правда, оставайтесь – сказала Тамари, улыбаясь, - мы будем только рады гостю.

- Да зачем мне, тут же мать моя живет, пока совсем не свечерело, найду ее, там и заночую.

- Ну что ж, Бог в помощь.

- Повезло ему, - сказала в след Тамари, - маму нашел свою. А моей давно нет.

- Радуйся за человека.

- Да я радуюсь, как не радоваться.

Умар, как обычно, решил прогуляться по окрестностям. Хрумкая сапогами по сухому, как порошок, снегу, он обхо-

дил село по кругу. Прогуливаясь, он увидел стоящего прямо посреди небольшой тропки, проделанной такими же как он ходаками, Алсбик-Хаджи, который стоял тут, видимо, о чем-то задумавшись.

- Добрый вечер, дядя, что-то случилось? – подошел он к старику.

Алсбик как будто его не слышал какое-то время. А затем, вернувшись откуда-то, ответил:

- Что? Чего тебе мальчик?

Умар повторил свой вопрос.

- А ты не видишь? Горы, - неопределенно махнул рукой пожилой мужчина.

Умар нахмурился. Неужели один из последних выживших старцев, помутился в рассудке. Гор-то здесь на сотни километров не видно.

- Нет их, мальчик. Нет гор. Степи одни.

Умар с облегчением вздохнул. По крайней мере, *воккха саг* понимает, что говорит.

- Степи эти, не могу смотреть. Привык я к горам. Глазам больно их не видеть. Как будто одиноки мы. Глупцами мы были, мальчик. Не знали, что Бог нас горами берег. Как родные руки матери они нас окружали. Понимаешь меня? Куда тебе понять. Что ты вообще знаешь? Если бы ты знал, как я эти горы любил. И все равно не понимал до конца, какая великая в них ценность. Какими прекрасными они были. Я вот каждое утро поднимался на Мят-Лоам. Садился на ро-

систую траву на вершине, и осматривал округу. Был ты на Мят-Лоам?

- Был, дядя. Очень красиво.

Старик замолчал, то ли оскорбленный столь плоской характеристикой горы, то ли вспоминая.

- Когда там нет туманов, дух захватывает, даже если ты туда в десятый, сотый раз поднимаешься. А когда туманы, бродишь там, как в сказочной стране, как будто вернулись времена великанов и ведьм, как в историях наших бабушек. Иногда в тумане выступает черный силуэт лошади, я, когда первый раз увидел, совсем маленьким, испугался, тем более не ржут они там, а кричат тонко. А потом привыкаешь, гладишь их, узнаешь уже. И пахнет там. Никогда не мог я надышаться этим запахом. Запахом душицы, я ее рвал, знаешь как она выглядит.

- Знаю, дядя, розовые такие цветочки...

Алсбик кивнул.

- Рвал ее и домой нес. Вешали мы ее дома, чтобы дух стоял приятный. Моя мать знала в этом толк. Много трав я ей оттуда носил. И там есть храм Мят-Сели. Туда люди ходили, дождь у Дялы просить...

Старик вздохнул.

- Это же язычество, дядя.

Старик кивнул.

- Ты знаешь, - продолжил он, - что говорили раньше про Мят-Лоам? Что это печать. Бог сотворил землю, и настолько

она была прекрасной, что Он решил отметить ее своей меткой.

- Как тавро?

- Да. Или печатью. Я по-разному слышал. И вот опустил Он свою Руку и прижал ее к земле. А земля потянулась за Рукой, выше, к небу, и так появилась гора.

- Усман-Хаджи учил нас, дядя, что Бог не подобен ничему. То есть, нельзя сказать, что у него рука есть.

- Все правильно сказал Усман-Хаджи. Он лучше меня знает. Я просто пересказывал тебе легенду.

- Мне кажется, дядя, как будто вы скучаете по тем временам. Но мы же язычниками были.

- Я скучаю по временам, когда я был молод, - сказал Алсбик, и невесело усмехнулся, - не по язычеству. Ложные клятвы, убийства тех, кого взяли в опеку, грабежи – многим промышляли наши отцы, пока не пришла вера. Многое мы не оставили, не раскаялись еще, поэтому-то говорят, Бог и сослал нас сюда.

- Ложные клятвы? – спрашивая, он уже вел старца к его дому.

- Да, раньше в ходу были такие хитрости. Сейчас уже меньше. Не застал ты. Хоронили оружие в могиле матери, например, а потом, если являлись власти, клялись, что нет у них оружия, если только не в могиле матери. Гневали Бога своими уловками.

Умар покачал головой, он уже не первый раз слышал от

старших подобное, и поражался их способности находить во всем свою вину. С другой стороны, в их словах он не умел сомневаться.

- Не знали мы, как нас горы берегут. Вон, родню мою по матери, орстхойцев, как их раскидало-то. Где они теперь? То тут, то – там. В моей крови, в твоей крови. Все стали галгаями. А нас – горы сберегли. Мы остались. Без гор – мы никто.

- А как же мухаджиры, дядя?

- Не хочу их осуждать. Большая часть моих двоюродных братьев ушла к Султану. А как отец просил их остаться. Ушли, и лишили меня родни.

- Многие же вернулись. Видимо, плохо им там было.

- Плохо было, да не всем, мои не вернулись – горько заметил Алсбик, - станут там турками, или еще кем-нибудь. Ингушами они не будут, ингуши – это там, где горы. Где язык наш.

- А что же мы тогда?

Дрожь прошла по лицу старика. Он закрыл глаза, потом медленно открыл и с тоской взглянул на Умара:

- Наше дело худо, мальчик. Не вернемся, не быть нам.

Умару довел Алсбик-Хаджи до дома и попрощался.

Ночью пошел снег. Сильный ветер стал завывать, хлопьями бросая холодные пригоршни к окнам дома. Тамари баюкала сына, крепко прижимая к своему худому телу, и напевала тихим голосом:

Олий, к1ориг дижсала,
Болий, к1ориг дижсала
К1орига дада ц1авенав
Наъха бови яьдалахь9⁹

Умар сидел тут же в комнате, на полу, подстелив себе *кхакх* - черную баранью шкуру, и медленно водил пальцем по пожелтевшим листкам старого Корана, доставшегося ему от отца.

- Прочитай мальчику молитву, - попросила жена, - а то он беспокойный какой-то сегодня.

Умар кивнул, и Тамари подала ему ребенка. Придерживая мальчика левой рукой, он стал водить по телу сразу присмирившего малыша правой, и читать ему вслух короткие *суры*.

Мальчик все пытался ухватить пальцы на руке отца, и если ему это удавалось, старался их не отпускать.

- Ух какой цепкий, этот свое не упустит, - рассмеялся Умар.

⁹ олий, малыш спи

Глава 3 Любовь матери

Неожиданно раздался стук в дверь, от которого Тамари испуганно взглянула на мужа. Умара давно раздражала эта ее боязнь. Любой стук рано утром или поздно ночью бросал Тамари в дрожь. Впрочем, Умар не винил жену, понимая, что боязливость у нее появилась с черной среды¹⁰. Он отдал ребенка матери, спокойно прошел в сени – и отворил дверь. На пороге, стоял давешний гость. Они поздоровались.

- Могу я...остаться у вас на одну ночь? – сказал Висха, теребя в руках, снятую фуражку.

- Конечно! - радушно развел руками Умар. Тамари положила ребенка на кровать, благо тот уже засыпал, и спрятав волосы под платок, пошла хлопотать на кухню.

- Мне ничего не нужно, - продолжал Висха, глядя в пол, если вы не против, я сразу пойду спать. Можно и здесь, в прихожей постелить на полу.

- Об этом не может быть и речи! – Умар вежливо, но крепко взял гостя за локоть и повел его за стол, - сначала ужин.

Чуть позже, когда они разместили гостя в соседней комнате, на диване, Тамари прошептала мужу:

¹⁰ среда 23 февраля, день депортации

- Что это с ним? На нем лица не было.

- Не знаю, и тебе не советую лезть, - ответил Умар немного грубее, чем намеревался, - если человек не хочет рассказывать, значит, не наше дело.

Тамари задела слова мужа за живое, она отвернулась к стене и надолго замолчала.

На следующий день, когда они завтракали, явился Туган. Умар, оставив гостя за столом, вышел на встречу другу. В сенях, пока тот раздевался, Умар спросил:

- Ты не слышал, в последнее время у нас в селе хоронили кого-нибудь?

- *Дяр* хоронили, - ответил Туган, потирая замерзшие руки.

- Среди умерших не было пожилых чеченок?

- Вроде нет, - немного поразмыслив, ответил друг.

- Странно.

Они вошли на кухню, и Туган душевно поздоровавшись с Висхой, принялся за чай.

- Ну что ж, - произнес гость некоторое время спустя. «Сегодня он выглядит намного лучше, - подумал Умар, - чем вчера ночью», - мне пора отправляться в путь.

- Уже?

- Да. Так получилось.

- А какие дела у тебя были в селе? –поинтересовался Туган, не обращая внимания на осуждающий взгляд друга.

Однако в этот раз чеченец явно был настроен рассказать о себе больше.

- Я приезжал к матери.
- И как она?
- Она...хорошо.
- А почему уезжаешь?

Чеченец помолчал, смотря куда-то в сторону.

- Ладно, - если я вам все не расскажу, будет много вопросов, так что слушайте.

Умар заметил, что шум в соседней комнате тут же прекратился. Жене тоже было интересно. Он незаметно усмехнулся.

- Мой отец был революционером. Причем ярим. Вместе с Шериповым¹¹, «мюридом революции», он немало повоевал с белыми. Помогал Серго Орджоникидзе укрываться в горах, в общем, вы понимаете. Таких много было тогда.

- Ну, у вас не знаю, а у нас почти все за красных были, - вставил Туган, - садясар¹² были!

- В общем, так получилось, что он оказался одним из тех людей, что участвовали в аресте некоторых видных шейхов. Каких именно, говорить не буду, вы уж простите. Несмотря на свое участие, отец тогда сильно засомневался в Советах. «Был бы Асланбек жив, я бы у него спросил» – говаривал он. Но Асланбека не было, а отец, как работник правоохранительных органов совсем запутался. С одной стороны, ему там очень легко работалось, внешне он на русского похож

¹¹ Асланбек Шерипов – один из лидеров красной революции на Кавказе

¹² садясар, дяр – клятвы или выражения усиливающие утверждение.

был совсем, с другой стороны, ему не нравилось многое.

Гость замолчал. Было видно, что Висхе совсем нелегко рассказывать свою историю. Друзья терпеливо ждали продолжения.

- В общем, глаза ему раскрыло убийство Зелимхана Гельдегенского, слышали о таком?

- Смутно, - ответил Умар, - тоже революционер?

- Да. В охране Орджоникидзе был. Любая другая власть такого человека обласкала бы наградами, а его стали преследовать. Одним словом, убили его в засаде, говорят, чуть ли не живого сожгли. Подробности я не знаю.

Туган слушая все это беспокойно заворочался. Уж больно опасные речи вел гость. С другой стороны, Умар вроде бы доверял этому человеку, а уж в чутье друга Туган был уверен.

- Вот тогда-то отец все и понял. Он знал лично Гельдегенского, и не сомневался в невинности старого товарища. Отец купил себе документы, что инвалид, и ушел на пенсию. Впрочем, не прошло и года, как он по-настоящему состарился, заболел, согнулся весь.

- Тамари, чаю! – позвал жену Умар.

- В общем, до самой депортации отец часто повторял, особенно когда думал, что его никто не слышит: «Не хотел я этого, не хотел я этого, не знал, не ведал».

- Говорят, если человек искренне раскаялся, Аллах прощает, - подбодрил рассказчика Туган.

- Да, но когда пришли нас выселять, отец уже почти не вставал. А ему тогда и пятидесяти не было. На маме он женился за десять лет до этого, и я сразу родился, а больше им Бог детей не послал.

- Когда пришли солдаты, отец вдруг встал с постели, и весь шатаясь пошел на одного из них, не знаю что это с ним было, может удар. У него вдруг пропал дар речи... Он лишь протягивал руки к солдату, и яростно сверкая глазами, пытался до него дотянуться. Солдат испугался и выстрелил. Так умер мой отец.

- Дал гешд долд цун¹³, - тут же произнесли друзья.

- Дел рез хийл, - ответил чеченец, - в общем, выслали нас с матерью одних. И так получилось, что на одной из станций, я слишком далеко отошел от поезда, а тот тронулся раньше, чем я ожидал, и я не успел запрыгнуть в свой вагон. Ночью мой новый вагон отцепили и прикрепили к другому составу, так мы с матерью и потеряли друг друга.

- А как зовут твою маму? – спросил Туган.

- Мартагаз.

- А я знаю тут одну Мартагаз. Живет через две улицы с сыном, - сказал Туган и осекся. Они с Умаром переглянулись.

- Да я знаю, - слабо улыбаясь, сказал Висха, - это она и есть.

...

¹³ традиционное пожелание умершему. «Пусть Господь помилует его».

Висха подбирался к нужному двору окольными путями. Точнее он думал, что идет прямо, но любой местный житель сказал бы, что Висха кружит как голодный волк в поисках добычи. Наконец-то, ему удалось узнать у одного из пробежавших с санями мальчишек, где живет Мартагаз. С каждым шагом ноги Висхи слабели. «Какой славный парень этот Умар, - думал он, - и вообще все эти люди. Слава Богу, он родился вайнахом, и теперь, куда бы он ни отправился, его везде обогреют и приютят. Даже в детдоме, когда узнали, что он чеченец, к нему стали приходить, подкармливать, приносить одежду. Потом, когда дядя нашел его, мальчик, к радости родственника, не забыл язык, помнил, как его звали, как звали отца и мать.

Дядя работал в гараже, куда взял помогать и племянника. После этого все беды Висхи закончились. Воистину за каждой бедой приходит облегчение.

Только одно не давало парню покоя: судьба матери. Много ночей провел он, размышляя о том, что с ней могло стать. Куда она делась? Неужели погибла как многие в пути, и теперь лежат ее кости непогребенные где-то у железной дороги?

В прошлом году ему исполнилось двадцать, и дядя стал намекать на женитьбу. Но Висха только отмалчивался. Как я женюсь, - думал он, - когда не знаю, что с мамой? Пока я не узнаю о ней, не будет мне житья.

Впрочем, Висха с дядей не сидели сложа руки, они искали, расспрашивали, рассылали объявления, что ищут Мартагаз дочь Оси, и вот, наконец, месяц назад пришла весточка. Остальное время ушло на то, чтобы уладить дела с комендатурой, но и эта сложность разрешилась.

На улице детвора катала санки. Дети счастливо вопили и кричали, перестреливаясь снежками. Один такой снежок неожиданно попал Висхе за шиворот. Дети тут же умолкли, опасливо наблюдая за реакцией взрослого, но Висха лишь засмеялся, оттряхивая пальто от снега и пошел себе дальше. Лишь самому ретивому мальчонке, что залетел ему под ноги, он шутливо погрозил пальцем.

- Какие замечательные дети, - думал он, - и как они счастливы. Надеюсь дома их ждут родители, живые и здоровые.

Как будто разбуженное чьим-то настроением, на небо выкатило солнце, ласково заливая округу прозрачным чистым светом, от чего снег на заборах сахарно заискрился.

На встречу ему шла женщина лет пятидесяти, одетая вполне по погоде, с пакетом в руках.

Висха тут же цепко всмотрелся в лицо женщины: вдруг она?

А если и она? Что он ей скажет? Как представится? Но нет, эта милая женщина не была его матерью, все-таки мать он узнал бы. И она его узнает.

Висха часто представлял себе то, как они встретятся. Как обнимут друг друга. Как расскажут друг другу все, что было

за последние десять лет. От этих мыслей губы непроизвольно растягивались в улыбке, Висха пытался сохранить серьезное лицо, чтобы прохожие не подумали, что он идиот.

Самое прекрасное, - думал он, - это то, как она обрадуется. Мысль, что его пропажа терзает ее, не давала покоя ему все эти годы. Часто он представлял себе, как мать плачет где-нибудь одна, например, неся в руках что-нибудь тяжелое, и сгибаясь под тяжестью думает о нем, о своем сыне. Или часто ему виделось, как кто-то невидимый кричит на нее, обижает ее, а она беззащитная, лишившаяся в одно время мужа и сына, лишь терпеливо сносит эти обиды. В такие минуты кулаки Висхи сжимались и он шептал про себя угрозы.

Однако сегодня все это в прошлом, наконец-то настал день, когда закончатся все ее несчастья, уж он-то постарается! Он заберет ее к себе в село, в свой дом, женится, и ей палец о палец не придется ударить, все будет невестка делать. От этих мыслей Висхе становилось особенно приятно.

Ему снова явилась картина их встречи: вот он говорит «мама, это я, Висха», и сидящая женщина плача бросается ему на шею, он обнимает ее и повторяет: «все хорошо, теперь все будет хорошо». Висха остановился и вытер тыльной стороной ладони глаза. Затем отдышавшись, зашагал дальше. Осталось совсем немного. Он посмотрел в синее небо, открывшееся ему с пригорка на краю села, и снова заулыбался. Приятный зимний ветерок слегка колыхал снежные шапки деревьев, что росли здесь. Местная малышня на перегонки

скаtywалась с него на салазках, визжа что-то на всех языках мира. Какие все-таки сорванцы! Висха слепил снежок и запустил куда-то в гущу тепло разодетых мальцов. Те, тут же сориентировались, в ответ на вероломное нападение, выпустили в сторону парня град холодных снарядов. Он засмеялся, и тут же получил снежком в лицо. А потом еще раз, и еще. Впрочем Висха не сдавался, молниеносно метая в ответ снежки. После особенного меткого броска, сделанного чьей-то маленькой, но уж очень точной рукой, Висха понял что с него хватит. Вот уж точно «холодное оружие», - подумал он, передернув плечами, и, подняв руки закричал: «сдаюсь, капут!».

Покинув поле битвы, он двинулся дальше, к окраине села, напиравшей к холму с другой стороны. Где-то здесь. Висха остановился. Неужели он тянет? Чего ему бояться?

У каждого человека есть свои сокровища. У Висхи они тоже были. Точнее одно. Такое, что не смогли забрать ни солдаты, ни коменданты, ни участковые. Одно его воспоминание: ему четыре. Он чем-то заболел, бредил целую неделю, лежа в городской больнице. Об этой неделе он ничего не помнил. Но помнил день, когда, наконец очнулся, и увидел маму, сидящую у его ног на кровати. Она, заметив, что он открыл глаза, тепло улыбнулась ему, и склонившись поцеловала его в лоб. «Виси, ты проснулся!», - сказала она. Он помнит какое блаженство нашло на него в этот миг, как ему стало спокойно на душе. От мамы пахло чем-то приятным, и Висха

вдруг почувствовал, что он в полной безопасности, и что мама рядом.

Он еще помнил, что все пациенты в палате двоились в его глазах следующие два три дня. Потом и это прошло. И только одна бабушка, что лежала в противоположном углу, все еще двоилась.

Висха многое забыл, что было потом. Даже то, что было после высылки. Но это он помнил, и хранил, как драгоценность.

Оттряхнув одежду от снега, он решительно направился к окраинной улице, изгибавшееся по кромке села. Дома здесь в основном были старенькие и покосившиеся. Заборы прогибались к земле, часто зияя прорехами. Впрочем, предполагаемый двор его матери выглядел вполне себе аккуратно. Было видно, что за ним как и за домом ухаживают. Стены дома были побелены, невысокий дощатый забор сверкал свежей зеленой краской. площадка перед двором, как и сам двор, были расчищены от снега. Висха отворил без скрипа добротную калитку, и пройдя по тропинке, мимо колодца, к обитой темной материей двери, постучался.

В глаза ему почему-то бросился красный коврик, лежащий на небольшой ступени у двери, с чисто вайнахским узором. Зеленые стилизованные ветви, проходящая одна в другую, с золотой каймой по краям, и все это на бордовом фоне. Да, он на месте. Все это настолько завладело вниманием

Висхи, что он не сразу заметил, что дверь открылась и на пороге появилась невысокая полноватая пожилая женщина. Смуглое лицо ее было изрезано морщинами, а какие глаза щурились, рассматривая гостя.

- Здравствуйте, - сказала она, - вы кого-то хотели?

Висха все никак не мог поднять взгляда от пола, чтобы посмотреть на нее. Но вот он пересилил себя, и взглянул в ее лицо. Мама, - узнал он. Да постарела, но не так сильно, как можно было ожидать. вон маленький росчерк рядом с правым глазом – шрам от удара бычьим рогом, что она получила еще в детстве. Мама.

- Это... - начал он сглотнув, - это я.

Но женщина лишь вежливо молчала, ожидая продолжения.

- Это я. Висха. Ты узнаешь меня? – проговорил он онемевшими губами.

- Нет, не узнаю, - неожиданно твердо заявила женщина.

- Висха! Я твой сын!

- Мой кто? – ахнула она.

- Ты потеряла меня на станции, когда нас депортировали.

Десять лет назад. Я искал тебя...мама, - добавил он прерывающимся голосом.

Висха ожидал чего угодно, но только не того, что последовало.

Женщина вдруг отступила в глубь дома и безапелляционно заявила:

- Я не теряла сына!

Висха опешил.

- Как?

- Я никогда не теряла своего сына, - раздельно проговаривая слова повторила женщина.

Из дома послышался голос:

- Мам, кто там у нас? – из другой комнаты в сени вышел парень. Примерно его возраста, тоже светловолосый, но кареглазый, и чуть пониже, чем Висха, - *нана*, почему ты держишь гостя на пороге, - сказал он, - проходите в дом.

- Нет! Он говорит, что я потеряла сына когда-то. И что это он – мой сын, - отвечала женщина. Лицо ее покраснело, а ноздри раздувались от охватившего ее гнева, - кто бы ты не был, уходи! – добавила она, - я никогда не теряла своего сына, вот он, стоит рядом со мной – ткнула она пальцем в побледневшего кареглазого, - а ты зачем пришел сюда и обманываешь людей?

Все это время Висха стоял, не в силах вымолвить ни слова. Он тоже покраснел, снял с головы фуражку, зачем-то помял ее, потом снова надел, и снова снял.

- Но как же... - начал было он, но женщина продолжала:

- Я потеряла мужа...

- Вашего мужа звали Шаип, - пролепетал Висха, - а отца вашего звали Амир.

- Я потеряла много чего, но своего ребенка смогла сохранить! И никакие проходимцы не разрушат то, что у меня

есть. - говорила она, повысив голос в то же время, когда Висха излагал известные ему сведения о своей семье.

- Но это же я! Я не знаю, кто этот парень, может мой брат, но я точно твой сын! – в отчаянии попытался пробиться он через ее оборону.

На эти его слова что-то промелькнуло у носа Висхи и дверь захлопнулась.

Он постоял еще некоторое время, не зная, что делать. За дверью глухо зашпорили. Висха поднял руку, чтобы снова постучать, но что-то его остановило. Он посмотрел по сторонам: нет ли свидетелей? Затем отступил на пару шагов от дома, и так и застыл.

Через пару минут дверь отворилась и на улицу, вместе с клубами пара, вырвался кареглазый.

- Пойдем, - махнул рукой он.

...

- И что он тебе сказал? – спросил Туган в установившейся тишине, - я вообще-то знаю о ком ты. О Висхе, что живет на окраине.

- Да, о Висхе, - кивнул гость, - да ничего. Сказал, что он не сын, на самом деле. Что она нашла его тогда, в сорок четвертом. И вырастила как сына.

- Ну вот, отлично, теперь у нее будет два сына, - сделал вывод Туган. Умар все это время молчал, сведя брови на пе-

реносице.

- Нет, он рассказал мне, что она сразу, еще тогда отвергала всякие попытки доказать ей, что он не ее сын. Даже перестала общаться со своей сестрой, которая пыталась объяснить ей это. Дальше, он попросил меня вернуться через некоторое время, а он постарается подготовить ее. Но как подготовить человека, который не хочет верить?

...

Висху шатало. Мерзкий ветер леденил ему грудь, солнце скрылось за мрачными тучами, затемнившими снежную степь, раскинувшуюся за селом. Да что ж такое, - думал он, проваливаясь в глубокий снег, и чувствуя, как замерзают пальцы ног. Проклятая деревня.

Висха заплутал, пытаясь найти обратную дорогу к дому Умара. Потирая руки, он напрягал память, пытаясь вспомнить, каким путем шел последние три часа. По-видимому он кружил по селу, оказавшемуся не таким уж маленьким, уже давно, не разбирая дороги.

В какой-то миг ему захотелось просто сесть на землю, и сидеть так, пока все не разрешиться само собой. Но через другое мгновение Висху разобрала злость. Как же так?

Вдруг из ближайшего поворота навстречу ему вышла угрюмая женщина, лет тридцати. Висха спросил ее про Умара, но то ли та не поняла, то ли не знала, где Умар живет: она прошла мимо, ничего не говоря, лишь неприветливо косясь

в сторону парня.

- Как такое возможно? – спрашивал он себя, - она должна была меня узнать. Почему? Мама, которая растила его, била его, играла с ним, кормила его, зашивала его рваные одежды, лечила ссадины. Он ничего не забыл! Мама, которая все это делала для него, не помнила его! Не помнила!

Висха слепил тяжелый снежок и запустил куда-то в сторону домов. Раздался звон битого стекла. Парень с надеждой стал прислушиваться, вдруг кто выйдет бранить его. Если будет мужчина, - решил Висха, - полезу в драку, все лучше, чем это...

Но никто не вышел. Разочарованный он побрел дальше.

Через пол часа блужданий, Висха вдруг узнал улицу, которая примыкала к улице Умара.

...

- Как думаете, почему она не признала меня? – спросил он у друзей.

- Валлахи не знаю, - пожал плечами Туган.

Умар долго не отвечал, обдумывая рассказ чеченца. Такого он еще никогда не слышал. Чтобы мать не узнала сына? Да еще нашла ему замену? Умар незаметно передернул плечами, ему стало жутко.

- А ты что думаешь, - неожиданно спросил он, вошедшую жену, - ты бы узнала своего сына?

- Конечно, узнала!

- А почему она тогда не узнала?

- Да потому что сын у нее только один был! И это твердо засело у нее в сердце. А если этот не ее сын, значит все эти годы он где-то один был, без матери, мучался сиротой... Она не может это принять.

- Ладно, ладно, иди женщина, - поморщился Умар.

- Мне кажется, Тамари права, - сказал Туган.

- Да что она понимает? – махнул рукой Умар, но других предположений высказывать не стал.

- Видели скошенную траву? – сказал Висха, - вот я как эта трава. Подрезали серпом, и перенесли подальше от родного лужка. А я взял и как перекасти-поле – прикатил обратно. Только вот, там уже другая смена зеленеет.

Немного позже, когда гость улегся спать, друзья еще сидели за столом.

- Бедняга, он совершенно раздавлен, - прошептал Туган, в тишине комнаты, когда они уверились, что гость спит.

Умар лишь кивнул.

- Что-то мне не по себе, - промолвил Туган напоследок, - а вдруг мы тоже... как он там сказал? Вырванная трава?

- Перекасти-поле?

- Э... нет, не совсем. Просто трава. Перекасти-поле катится себе, туда-сюда. А нас если с места сорвать, то все. Засохнем. Увядшую траву можно кинуть туда, где она росла. Только

вот не будет она больше цвести.

.

Глава 4 Преступление

Прошел месяц. Зима была на исходе. Впрочем, настоящая весна вступала в свои права здесь далеко не по календарю. Гость Умара уехал на следующее утро после той памятной ночи. Когда они прощались, на вопрос Умара, не торопится ли он, Висха ответил:

- Не буду задерживаться. Если она правда думает, что он ее сын, не буду беречь ее раны. Делать хуже. Пусть будет счастлива моя мать, - на последних словах голос парня дрогнул. Глубоко вздохнув, он продолжил: ты приглядывай за ней. Я сказал тогда ему, что останавливался у тебя. Если что измениться, напиши мне. Я сразу приеду.

- Обязательно напишу, друг, - они крепко пожали друг другу руки.

- Спасибо вам за гостеприимство, за все. Ты мне как брат, Умар, клянусь Богом, никогда не забуду, - сказав это Висха еще раз пожал ему руку, и отправился в путь.

Все вернулось на свои места. Умар помогал в местной кузне. Встречался по вечерам с друзьями, ходил в гости, нянчил сына, и думал, думал, думал.

В один из последних дней зимы, он вернулся домой рань-

ше обычного. Ужиная, он вспоминал давешний разговор с Махмудом, который сказал, что не уверен: нужно ли возвращаться домой. Другие ребята, что там были, тут же накинулись на парня...

- Что? - Умар перестал есть. Медленно он посмотрел на Тамари. Он надеялся, что ослышался.

- Я говорю, что Патя, твоя тейповая сестра забеременела. Она, видишь ли...

- Что! - Умар не мог поверить своим ушам, - что ты несешь, женщина?!

Тамари в испуге замолчала. Похоже, она наговорила лишнего, но ей все равно не терпелось выложить сплетню до конца.

- Это правда, - сказала она.

Умар молчал. Расстегнув пуговицы кителя, он покрутил шеей. Казалось, ему было трудно дышать.

Превратно истолковав его молчание, Тамари затараторила:

- Да, вот так. Оказывается, Патя гуляла с соседским парнем. Бекхан, его зовут, это сын Ахмы. Такой хороший отец, и вот такой сын! Как видно, яблоня от яблони может очень далеко упасть! Так вот, они давно встречались...

- Если ты врешь, тебе несдобровать.

Тамари осеклась.

- Зачем мне врать? – обиженно произнесла женщина - у этой Пати живот видно. А Бекхан хоть бы хны, жениться

не собирается. Хотя поговаривают, что он бы и женился, да только старшие братья не дают.

Умар сидел тихо. Лишь вежливо полюбопытствовал тихим голосом:

- А как же ее братья? - спросил он, - у нее же есть родные братья, - в отличии от жены, еще не видевшей Умара в подлинном гневе, друзья отлично знали, что если Умар начинал вот так вежливо разговаривать, значит скоро жди молниеносных последствий.

- Бесхребетные червяки они! Да им и не до этого, сами вон, гуляют с разными распутницами из местных, - выпалила Тамари, не раздумывая.

Лицо Умара потемнело.

- Вот, значит, как... - Умар отодвинул тарелку. Аппетит окончательно пропал. Тейповое дело. Надо посоветоваться с кем-нибудь. Девушка из его рода, значит, его тоже касается.

- Подай шинель, - приказал он.

Тамари всполошилась.

- Ты куда? *Ва устаз*, туда что ли!? К Бекхану? - только теперь Тамари поняла, какую огромную ошибку совершила. Так бы он навряд ли узнал, так как был человеком не любопытным, да и мало кто осмелился бы ему рассказать. А сестра эта доводилась ему ну очень дальней родней.

- Не иди туда, пожалуйста! - воскликнула она.

- Молчи, шинель давай, - угрюмо проговорил Умарю Тамари съезжилась, муж никогда не трогал ее, что не мешало

ей бояться.

- Ну сам посуди, уже поздно ведь, а утро вечера мудреней, как русские говорят, - залотошила она, - кто ж такие дела ночью решает, вот завтра с утра и пойдешь, - в душе Тамари уже проклинала себя. Теперь могло случиться, что угодно. А вдруг мужа убьют?! Ай! Эх, бабская слабость да глупость!

Умар остановился, нахмутив брови. Тамари не была права в том, что утро лучше. Какая разница вообще: ночью идти или днем. Но была другая сложность. Умар не знал как в точности поступить. Эх, - думал он, - что ж мы за поколение такое. Выросли без отцов, и теперь не ведаем, куда идти.

Умар был уверен, что уж его отец не стал бы думать, потому что у старшим всегда было известно как поступать. И эти способы они не придумывали, а лишь наследовали. От отца к сыну. От отца к сыну. Но это цепь прервалась на Умаре. Его отец не передал ему, потому что умер рано. Точно так же как другие отца не передали множеству других, таких же как он. И вот вместо ясного многовекового ингушского порядка, у Умара была лишь мешанина собственных мыслей и короткого жизненного опыта. Всему придется учиться самому. И как бы потом не пожалеть...

Мысли утратили всякую ясность. Нужно все тщательно обдумать.

- Хорошо, - произнес он. - Иди, приготовь постель, пораньше спать лягу.

Тамари просияла, и, кивнув, отправилась в их маленькую

спальню.

Умар же поставил себе табуретку, тазик, набрал в кувшин воды и стал совершать ритуальное омовение для молитвы. Закончив, он вытерся полотенцем. Поправляя рубашку, Умар зашел в их небольшую гостиную, чтобы выполнить ночную молитву.

Когда он закончил свои дела, постель была уже расправлена. Умар сначала присел на кровать, он что-то хотел сказать, но мысль вылетела из головы. Он прилег, пытаясь вспомнить, а через мгновение заснул.

- Умар, ну пожалуйста! – Тамари тоскливо глядела на собирающегося мужа.

Он встал рано утром, помолился, посидел в раздумьях за столом, привычно устремив взгляд в окно. За окном валил снег. В такие часы, он всегда вспоминал сестру. Ее маленькое окоченевшее тело, что он бережно уложил в неглубокую могилку. Глаза девочки закрыты, как будто она просто уснула.

Как только Умар проснулся, в памяти ярко вспыхнули вчерашние слова Тамари. Патю он помнил. Последний раз они виделись давным-давно, когда та еще была худенькой большеглазой девчонкой с косичками. "Как же так? Почему

не углядели?"

Братья Пати были настоящие шалопаи и проходимцы. Хоть они и родственники, Умар их с детства недолюбливал без особой на то причины, впрочем, теперь причина выискалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.